

A man is shown from the back, wearing dark shorts. His back is covered in a large, detailed tattoo of a tiger's face, looking directly forward. The tiger has orange and black stripes and a white chest. The man's arms and neck also have various tattoos. He is standing in a room with a blue mural on the wall behind him, which depicts a figure. There are candelabras with lit candles on either side, casting a warm, golden light. The overall atmosphere is dramatic and artistic.

ЛЕОН

ЛАНА МЕЙЕР

Лана Мейер

Леон

Серия «Эскорт»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69658237

Аннотация

Они говорят, что я должна соответствовать своей фамилии и знатному роду Моран.

Светские гала-ужины, вечные правила и этикет, невыносимая жизнь наследницы огромного состояния – всё это мне кажется просто абсурдом.

Его зовут Дэмиан Лионель Голденштерн.

Днем он представитель еще более влиятельной и старинной семьи, а ночью – хлоднокровный гонщик, окруженный красотками, деньгами и властью.

Холодный, загадочный, безэмоциональный.

Он всегда внушал мне ужас, пока однажды в моих руках не оказалось приглашение на «королевскую битву» – гонку, которая разрушила наши жизни.

И забрала мою.

Леон

Я должен был умереть еще в детстве, после тяжелой операции на сердце.

Но я одолел смерть, обретя силу и оплатив ее душой.
Я не верю в Бога, но у моего «ангела» есть имя: Эмили Моран.
Все эти годы я прикладывал все усилия для того, чтобы мой
взор больше никогда не упал на нее.

К счастью, она делала тоже самое. Опускала взгляд, когда я
входил в зал и цепенела, когда я находился поблизости.

Однажды все изменилось: Эмили достигла совершеннолетия
и наше время пришло.

Я не смог отказать себе в игре из которой рассчитывал выйти
победителем с элитным трофеем в списке своих побед.

Но я допустил ошибку, когда поставил на карту все – свою
власть, положение, себя и ее.

И проиграл.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1

6

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Лана Мейер

Леон

...Он смотрел на неё особенным взглядом – всякая девушка мечтает, что когда-нибудь на нее будут так смотреть.

«Великий Гэтсби», Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Глава 1

Эмили

Я надеюсь, что его здесь не будет.

Не уверена, что готова ко встрече с человеком, с которым придется состариться.

Договорной брак – это так скучно. Скучнее только это светское сборище с королевским размахом, где я так много всего «должна».

Держать спину ровно, подбородок высоко, шею вытянуть. Быть воспитанной и милой. Быть хорошей. Идеальной. Быть достойной представительницей женской части древнего рода Моран и всем своим видом показывать, что ты – носитель «голубой крови», и твое поведение должно быть соответствующим.

В моей жизни есть только правила, строгое расписание, пресловутый этикет, дорогие тряпки и полное отсутствие самой жизни, какой она должна быть.

Насыщенной. Эмоциональной. Яркой, дикой и сумасбродной. Но она сухая, как страницы учебников, которые я каждый день поглощаю в огромном количестве. Я бы отдала все свои миллионы, что каждый день нарастают на моем

травостомом счету в геометрической прогрессии.

Отдала бы за один миг, наполненный настоящей жизнью.

Я не боюсь смерти. Пустая жизнь – вот что по-настоящему страшно.

Словно... не моя жизнь.

– Обязательно завязывать так туго? – сквозь стиснутые от боли зубы, хнычу я, пока мама затягивает на мне корсет облегчающего платья. Обычно меня собирают ассистентки, но присутствие на сборах мамы – что-то вроде традиции, так как это мой первый выход в свет, после того, как я стала совершеннолетней.

Небольшая ремарка: совершеннолетие в семьях, подобных нашей, наступает раньше, чем установлено государством. Алкоголь и сигареты в магазине мне не продадут, а вот замуж уже можно. Даже нужно, согласно тем же чертовым традициям.

– Ты должна быть идеальной, принцесса моя, – елеиным голосом воркует мама, стоя над душой. – Это же ежегодный благотворительный гала-ужин, на котором соберутся представители всех семей. Ты видела, какие они точеные красавицы? Но ты... затмишь их всех, я уверена, – поворачиваюсь лицом к маме, одновременно прощупывая пальцами ребра через плотную ткань, пытаюсь понять, не треснут ли они от такого тугого компресса.

У меня тонкая талия и хорошая фигура, но в этом платье я выгляжу как ходячие песочные часы. Наверное, мне стоит

благодарить бога за то, что оно хотя бы не пышное, как в средневековье, а смоделировано под современный стиль.

Придирчиво рассматриваю себя в боковом зеркале. Волосы собраны в строгий пучок, длинная шея открыта, ключицы аристократично выпирающие и прямые – и плевать, что мне пришлось посидеть ради этого на голодных диетах. Что не сделаешь, чтобы не разочаровать родителей и не ударить в грязь лицом. Полнота – дурной тон, а я к ней предрасположена. В детстве я была той еще булочкой, меня едва приняли в балетную школу.

Таким семьям, как наша, не отказывают.

Чувствую, что скоро я доведу себя до нервного срыва, в любой момент сорвусь и разом выпущу всех своих демонов на окружающих.

Держу пари, весь Вашингтон содрогнется в тот миг.

– Если не упаду в обморок, – тихо бросаю я, вглядываясь в затуманенные обожанием глаза матери. Сильвия Моран наделена сказочной нордической красотой, что передалась и мне. Пусть не скромно, но так и есть: глаза синего цвета, выбеленные от природы волосы, светлая, сияющая, фарфоровая кожа. Моей генетике совершенно все равно, что я хотела бы быть мулаткой и тверкать в каком-нибудь грязном клубе, под треки Рианны, а не вальяжно вышагивать на гала-ужинах, блистая своей сияющей белой кожей.

Мои родители любят меня. Даже слишком. Буквально боготворят, поскольку я родилась после череды маминых вы-

кидышей. Но их любовь – это петля на моей шее.

– Только попробуй, милая. Господам из китайской династии Каанов не понравится, если они подумают, что у тебя недостаточно крепкое здоровье. Джин Хуан должен посетить сегодняшнее мероприятие, и я уверена, что у вас, наконец, найдется минутка для личного разговора с будущим мужем, – вдохновенно воркует мама. В ее светлых глазах едва ли не звезды сияют, когда она грезит о моей свадьбе с сыном теневого китайского императора и наших будущих наследниках.

Теневой император – это не официальный правитель страны. Все члены семи семей – серые кардиналы тех земных территорий, которые ими унаследованы. Во главе семерки на данный момент стоит Валентин Голденштерн, поскольку именно это семья завладела господством над другими целых двести лет назад.

Впрочем, отец говорит, что у него есть свои рычаги давления в мировом правительстве, но пока его вполне устраивают вторые роли.

А меня, по его мнению, должна устроить роль жены и инкубатора для вынашивания детей.

Я схожу с ума от этой мысли и считаю, что я сама еще вчера была ребенком. Я даже не успела насладиться свободой и детством. Но моя судьба, как и судьба моей сестры Келли Моран предрешена.

Она выйдет замуж за Леонеля Голденштерн.

Мне достался Каан Джин Хуан.

И я даже не знаю, что хуже.

Первый – высокомерный, безэмоциональный нарцисс и социопат.

Второй – каким бы они ни был, заберет меня в Китай.

Такой себе расклад, не находите?

Я не хочу в Китай!

– Я не хочу замуж, мама, – в очередной раз делаю попытку противостоять я, и женственные черты лица матери становятся жестче. Благодаря многочисленным косметологическим процедурам ее лицо выглядит молодо, и практически не выражает негативных эмоций, но я чувствую, как мгновенно меняется ее энергия: она буквально дышит на меня недовольством и немым предупреждением. Этаким токсичный дракон.

Мне так хочется уткнуться в ее чертов твидовый Chanel и разрыдаться на ее плече, но я не могу себе этого позволить.

– Ты выглядишь восхитительно, – Сильвия снова отвешивает мне комплимент, делая вид, то не расслышала моего последнего возгласа. – Я так долго ждала твоего первого выхода в свет после совершеннолетия.

– Очень хотелось бы с этого света сойти. Или с этой планеты, – шепчу одними губами я, так, чтобы она не поняла ни слова. Мама лишь заторможенно моргает, пропуская мои эмоции мимо своего восприятия.

Жить две жизни тяжело. Быть двумя личностями одно-

временно. Днем я примерная наследница рода Моран, и мое поведение можно сравнить лишь со сдержанностью и благородством Кейт Мидлтон. Но в определенных закрытых компаниях, хоть это и случается редко, я превращаюсь в отвязную Меган Маркл.

Мои подруги из закрытой школы всю тусуются и пробуют алкоголь, сигареты, секс. Мне очень редко удается сбежать на подобные вечеринки. Фактически – пару раз в год.

Конечно, это были незабываемые разы, но каждый раз, когда я иду на побег из «царства» я подвергаю риску себя и весь персонал, что меня окружает.

Все остальные триста шестьдесят три дня в году я являюсь олицетворением стиля old money¹, изысканного воспитания и адептом исключительно «интеллектуальных» интересов.

Мое будущее предрешиено: я выйду замуж, стану послом ООН, буду раздавать бесконечные интервью для Tatler², похоронив свою мечту стать вольной танцовщицей.

Мужчины в моей жизни – отец и муж, будут всю жизнь управлять мной, пока я буду дышать по их расписанию, не смея разогнуть головы.

Безвкусно и тоскливо.

Подхожу к прозрачному окну в своей спальне, открывающим мне вид на происходящее мероприятие в большом зале.

¹ Старые деньги – «унаследованное богатство устоявшихся семей высшего класса» или «человек, семья или род, обладающий унаследованным богатством».

² Журнал о светской жизни.

И вновь в голове звучит фраза «скучно и пресно» – теперь, когда я смотрю на собравшихся женихов.

Все, разумеется, либо члены семи управляющих теневых семей, либо дети влиятельных политиков и других представителей мировой арены.

На подобных мероприятиях всегда очень строгий дресс-код, вплоть до выбора цвета. Сегодня балом правит бежевый, кремовый и серый, ассоциирующиеся у меня со спокойными и сдержанными нарядами в стиле «унаследованного богатства». Есть еще один негласный код, о котором не пишут в пригласительных: код этикета и прилежного поведения.

Я должна всем своим видом демонстрировать то, что достойна носить фамилию Моран. Иначе, как говорит моя мама, когда я совершаю что-либо, что ей не нравится, «наш прадед, великий Джорджуа Моран, перевернется в гробу».

Обидно, что твое будущее предписал мертвый прадед. Царство ему небесное.

Я даже хожу в классическую балетную школу, а дома, за закрытой дверью отдаюсь своей авторской современной хореографии. И мечтаю о мировой известности в этой сфере, отдаваться чувственным порывам, как в фильме «грязные танцы».

Увы, я танцую унылую, заученную мною до дыр классику. Такую же знакомую и доступную мне, как все эти лощенные и вылизанные «маменькины сынки» и «мажоры», на пиджаках которых не найти и пылинки.

А под рубашками не найти татуировок, забытых рукавов и прочих «запретных удовольствий», которые кажутся мне очень сексуальными. Мой идеал – сумасбродный и brutalный мужчина в красивой форме, шлеме и кожаных перчатках. С ног до головы забытый провокационными татуировками. Вольный бунтарь, способный украсть из этой красивой тюрьмы.

Довольно примитивные желания. Классика жанра: примерные девочки в моем возрасте, хотят того, что подавлено в них самих.

Хотя, кто знает, что все-таки скрывается под этими идеальными пиджаками? Возможно, местные женишки не так уж скучны, как я предполагаю. Но рассмотреть их ближе у меня нет возможности. Слышала, мой будущий муж очень ревнив. Очень. Мне стоит держаться женских компаний.

Минуя лестничный пролет и несколько поворотов, я направляюсь в эпицентр гала-ужина, ориентируясь по звукам ненавязчивой живой музыки, исполняемой мини-оркестром. Из всех музыкальных инструментов ведущим соло выделяется скрипка. Мне хочется зевать, когда я прохожу мимо дорогих картин, частично украшающих пространство холла. Резкие звуки звенящих рапир заставляют меня замереть на месте у одной из дверей и заглянуть внутрь.

Фехтование – социально одобряемые в элитном обществе «драки», и мой брат, Дилан Моран, является создателем собственного клуба по этому спорту. Он олимпийский чемпион,

а участники его клуба в основном приближенные к элитам, или члены теневых семей.

Я не могу пройти мимо двери, заметив, что сейчас главным участником нешуточной дуэли является Драгон. Я не вижу его лица из-за хемы, но его имя и фамилия вышиты на белой форме вместе с фамилией и гербом Голденштерн. Мы знакомы с детства, благодаря подобным семейным мероприятиям, но пару лет назад сблизились, когда я заинтересовалась парусным спортом.

Драгон зацепил меня своей приземленностью и отсутствием пресловутой короны на голове. Говорят, что он – бастард, наверное, именно этот факт делает его совершенно незаносчивым и настоящим.

Чего нельзя сказать о его брате, Леоне. Он, скорее, с интересом поговорит с картиной, чем посмотрит на меня с каким-либо выражением в зеркально-прозрачных глазах. Хотя, насколько мне известно, он на всех так смотрит – нечитаемым взором, излучающим холод.

Его присутствие всегда пробирает холодом, словно влажный ветер, до самых костей.

Я застаю финальные аккорды поединка между братьями, окруженными толпой зрителей. Чувствую себя «белой вороной» в мужском клубе, но все же не могу сдержать свои эмоции, когда один из братьев снимает свою хему, и в лице победителя дуэли я узнаю Драгона.

– Нелегко тебе пришлось, Драг! Но сегодня ты выгрыз по-

беду у нашего прошлогоднего чемпиона, – по залу разносится голос моего брата, что является ведущим, рефери и создателем клуба одновременно.

Поаплодировав Голденштерн младшему вместе со всеми остальными участниками клуба, я расплываюсь в широкой улыбке и дарю ее Драгону. Он лукаво подмигивает мне в ответ, обнажая в ухмылке белые зубы.

Драгон Голденштерн – красивый, статный, высокий молодой человек. Некоторые из моих подруг с мольбой просят, чтобы я познакомила их ближе, прекрасно зная, что мы дружим и на большее я не претендую.

Не знаю, с чем это связано. Я имею в виду то, что до сих пор не влюбилась в Драгона. Или он в меня? Он довольно закрыт в романтическом плане, а я не разрешаю себе отдаваться чувственным порывам из-за своей помолвки с Кааном.

Не хватает еще лишиться девственности с другим мужчиной и достаться Хуану «испорченной». Родители позеленеют от позора и отрекутся от меня.

Все время, пока я переглядываюсь с Драгоном, взглядом поздравляя его с победой, чувствую на себе пристальный взор от побежденного героя поединка. Из-за хемы я не вижу его лица, а когда он, наконец, снимает ее, то тут же разворачивается ко мне спиной. Все, что я могу наблюдать в Леонеле Голденштерн на сегодняшний день – это короткий хвост на его затылке, которым он собирает свои длинные (для мужчины) волосы, высокий рост, широкие плечи и узкие бедра.

Его цепкий, по-королевски надменный взгляд выжигает стигматы на моем теле.

Обычно, я не выдерживаю и трех секунд, опуская свой. Но не сейчас, не сегодня.

Я задерживаю свой взор на Леоне, ощущая себя так, будто смотрю на хищника в процессе охоты.

И если обычно страх, который я испытываю по отношению к нему, парализует меня, то сегодня – эти чувства меня пробуждают.

Его губы трогает едва заметная ухмылка.

Чертов царевич оценил мою смелость, но я не нуждаюсь в его оценке.

Я выросла и теперь все будет иначе.

Эпоха «популярной девочки» подошла к концу.

* * *

– Что ты зависла с такой кислой миной, Эмс? – Келли буквально вытаскивает меня из залипания в одну точку и погружения в свои собственные мысли. Я уже перетанцевала со всеми, с кем это было возможно. Переговорила со всеми подругами, обсудив свои наряды и планы на лето.

У всех все одинаково: рандеву на яхте по Европе, с родителями. Бесконечные визиты в гольф-клубы, игры в большой теннис, конный спорт. Все это конечно очень интересно, но меня порядком выворачивает от однотипных разгово-

ров и хобби. Обсуждение дорогих подарков и бриллиантов, подаренных предками на день рождения, и о том, как сложно достать сумку одного известного модного дома в нужном цвете...

Все, о чем я мечтаю – снять с себя этот чертов корсет, который насобирал уже миллион комплиментов от подруг матери. Все диву даются, какая «завидная невеста и красавица выросла», а мне тошно.

– Волнуешься перед знакомством с женихом? – снова достаёт сестра, заставляя меня вспомнить о существовании горе-китайца.

Наверное, я до конца не верю, что мы действительно поженемся. Может, я ему не понравлюсь? Может мне стоит не чистить зубы перед нашим первым свиданием?

– Кстати, его здесь нет и не будет, – выдыхаю я. – Мама сказала, что его полет отменили из-за погодных условий. Какое счастье, что Китай так далеко.

– Слышала бы ты, с каким облегчением говоришь это. Что, совсем любви не хочется? Я вот жду не дождусь официальной помолвки с Лео, – глаза Келли сверкают, стоит ей заикнуться о предстоящей свадьбе.

Она резко осекается, так как в большой зал, где проходит вся основная часть мероприятия, заявляется «золотой квартет». Все собравшиеся девушки тут же приковывают взгляды к молодым мужчинам, а именно к Дилану, Леону и Драгону.

Среди золотой молодежи тоже есть своя иерархия, и эти

трое – стоят на ее вершине.

Готова поспорить, что, у некоторых представителей старшего поколения тоже поджилки трясутся, при одном взгляде на них.

Когда они вместе, кажется, что они – непобедимы.

Словно три олимпийских бога, каждому из которых отведена своя особая роль, они направляются вперед с нечитаемыми выражениями лиц.

Я стараюсь не пялиться на них, чтобы не быть, как все. Или чтобы не видеть одного из трех, потому что видеть его не хочу.

К тому же, нас с Келли вновь отвлекает мама и ее подруги, что спешат окружить нас и вновь засыпать типичными вопросами: «А когда замуж?», «А когда свадьба», «Ну сначала они должны выучиться, получить дипломы...», «Пусть не затягивают, сейчас жизнь беспокойная. Девушки взрослые, пока молодые – стоит обзавестись потомством».

В общем, создается такое впечатление, что женщины в наших семьях лишь красивые резервуары для вынашивания детей. А мужчины, по праву рождения благословлённые «красавчики». Все знают, что рождение мальчика – праздник в семье. Девочкам рады только после явления на свет особой мужского пола.

Когда нам удастся отмазаться от маминой компании и выдохнуть в стороне, к нам с Келли направляются братья Голденштерн. Не знаю почему, но мне тут же хочется умень-

шиться в размерах, или спрятаться за одной из декоративных колонн, расположенных в большом зале. Но внутренняя гордость не позволяет демонстрировать свою нервозность и так откровенно тушеваться, несмотря на то, что приближение Леона всегда на меня влияет подобным образом.

Я просто не могу находиться с ним рядом. Хочу убежать немедленно. Раствориться. У меня начинается какой-то нелепый тремор, появляется острое желание отвести взгляд. Я словно нахожусь под воздействием его тяжелой, густой и темной энергии, проникающей через поры на моей коже. Отравляющей меня, запускающей мощнейшую интоксикацию в организме.

Этот молодой человек определенно наделен способностью забираться под кожу. Не прикасаясь.

– Ну как прошел турнир? – как только братья подходят к нам, сестра льнет к Лео, аккуратно взяв его под руку. Естественно, публичное выражение бурных чувств запрещено, все в рамках этикета. Я стараюсь не смотреть в глаза Леону, он в свою очередь ведет себя так, словно меня здесь нет. Все внутри вспыхивает от ярости и обиды, потому что он – единственный мужчина, который всегда и везде меня игнорирует.

Обычно все парни с благоговением на меня дышат, а тут... тоже мне, царь зверей. Скорее зверь с энергетикой хищника.

В тот момент, когда я обращаю внимание на Драгона, нарушающего правила хорошего тона и погрузившегося в те-

лефон в эпицентре светского мероприятия, Леон вдруг бросает в мою сторону фразу, смысл которой не сразу до меня доходит:

– Могли бы вы принести мне шампанское? – мужчина кидает на меня мимолетный взгляд. Даже не задерживает его. Словно я пустое место.

Он что, действительно принимает меня за официантку? Или издевается? Да, у меня серое платье и белый корсет, который можно принять за модный фартук... но только если ты слепой мудака с завышенным чувством собственной значимости!

– Леон, ты прикалываешься что ли? – игриво хихикает Келли, обходя его, берет его за вторую руку, явно пытаюсь пометить свою территорию.

У меня все внутри настолько закипает, что я не могу сдерживать свои эмоции. И этот... павлин смеет делать вид, что меня не знает.

Меня, Эмилию Моран!

Стиснув зубы, я ловлю взглядом официантку, как раз проходящую мимо меня. Все происходит мгновенно. Я рефлексивно хватаю изящный бокал с игристым шампанским с подноса и резким движением выливаю содержимое на Леонеля Голденштерн. Плюю сладкой жидкостью прямо в бесцветные глаза, в холеную и аристократичную рожу. Жидкость, что скоро станет очень липкой, стекает по его шее, рубашке, по дорогому серому костюму, сшитому на заказ.

Адреналин в крови зашкаливает, подобное поведение – недопустимо на светском мероприятии, и я уже вижу, что привлекла внимание закрытой прессы. В «большой мир» это не попадет, но по специальным каналам среди элит быстро распространится.

Все взгляды прикованы ко мне.

А у меня перед взором все расплывается, будто я снова теряю зрение.

Я родилась с ужасной способностью видеть, и если бы не операция в детстве – могла бы ослепнуть.

Кажется, это случилось сейчас из-за нервного напряжения.

Звук тока крови в ушах перекрывает охи и вздохи присутствующих.

Я чувствую, что Леон, наконец-то смотрит мне прямо в глаза. Впервые за долгие годы.

Ура. Наконец-то я заставила тебя посмотреть на меня.

Меня всю трясет, мир мгновенно переворачивается.

Я не могу дышать, ощущая дикую скованность в грудной клетке.

Внимание, внимание. На светском гала-ужине зарегистрирована первая в мире смерть от стыда и позора.

А знаете... мне ни капли не стыдно. У меня есть характер. Давно нужно показать всем свои зубки, в том числе матери и отцу. Мне выпал отличный шанс сделать это публично.

И плевать, что во мне кричат эмоции, а не здравомыслие.

– Я случайно. Плохая из меня официантка, – пытаюсь отшутиться я, пожимая плечами.

Вы только посмотрите на него. Сам царь явил свои эмоции этому миру – впервые я вижу подвижность мимики на лице Леона, из-за затекших в глаза капель шампанского, ему пришлось закрыть глаза и поджать губы.

– Ты же леди! Дорогая, что на тебя нашло?! – в наш кружок встречается мама. – Леонель, она случайно... она не хотела...

– А вот и хотела! – заявляю во всеуслышание, привлекая к инциденту еще больше внимания. – Никакая я не леди! – вдруг вспыхиваю еще больше, злясь на то, что мама извиняется перед Голденштерн. – До леди мне как до луны, – рывком распускаю волосы, швыряя на пол шпильки из пучка.

Отчаянно пытаюсь снять с себя корсет. Быстро не получается. В нем уже невозможно дышать. Хочу содрать с себя кожу, а не платье.

Я как будто бы за последние пару минут стала больше, шире. Все еще не отдавая себе отчет в nepозволительных действиях, просто покидаю мероприятие, стуча каблуками по мраморному полу.

Бегу прямо по длинному коридору и буквально срываю с себя корсет, умудряясь предварительно ослабить его.

Врываюсь в свой зал для танцев, и избавляюсь от платья, оставаясь в утягивающем боди. Обычно в таких танцуют балерины, но я использовала его для того, чтобы влезть в сво-

ей наряд.

Злость переполняет меня, словно закипающий яд, отравляющий каждый атом крови. Голосовой командой я включаю музыку и, чувствуя, как слезы душат и подкатывают к горлу, перехожу на экспрессивный танец. Я не думаю о хореографии, о том, как правильно тянуть носок или ставить пятку. На сколько градусов должно быть развернуто колено в плие, и насколько высоко я прыгну в шпагате.

Ни единой мысли, только движения, отражающие мое внутреннее состояние.

Я – восстание. Я – мятеж. Я – непреодолимая стихия.

Наступит день, когда я трансформирую все правила и традиции.

Я стану первой королевой, но только для того, чтобы установить свои.

В момент наивысшей точки эмоционального напряжения, выходящего через тело, я слегка подворачиваю ногу и падаю на паркет. Острая боль простреливает лодыжку, слезы выступают из глаз. Я все еще могу шевелить суставом, значит, это не перелом.

Возможно, сильный вывих. Черт.

Спустя пару минут, неприятные ощущения утихают, и я осознаю, что скорее просто не так встала в позицию. Нога шевелится, и легко отделалась.

Но падение стало последней каплей за день.

Зареванная, измождённая и замученная я поднимаю

взгляд в зеркало, вглядываясь в свое отражение. Тоже мне, бунтарка и мятежница. Это провал, родители мне всю голову выключают из-за этого инцидента.

Нам нельзя ссориться с Голденштерн, а им с нами. Даже по пустякам. Наши семьи воевали около двухсот лет назад, и союз кланов держится на прописном перемирии и четких договоренностях. И браках.

Пытаюсь выровнять дыхание и параллельно ползу к своей сумочке, оставленной на полу.

Разум затуманен туманом, в голову врываются тысячи мыслей. Я не хочу их слышать. Я не хочу никого видеть. Я не хочу быть частью этой семьи!

Я хочу умереть.

Исчезнуть.

Инсценировать свою смерть.

Или действительно просто «удалиться». Может, тогда меня будут любить такой, какая я есть? Когда я буду мертвой?

Нервно нащупываю пузырек с антидепрессантами, который выписал мне мой психотерапевт. В нашей семье у каждого есть мозгоправ и это не удивительно. На нас с сестрой и братом оказывается слишком много давления, у родителей – свои тараканы и кризис средних возрастов. Не знаю, что со мной будет, если выпью горсть этой дряни залпом. Но сейчас я близка к тому, чтобы послать всех к чертовой матери и сделать это, не оставив предсмертной записки.

Набрав горсть таблеток, я внезапно цепенею от ужаса.

Всей кожей ощущаю присутствие еще одного человека, возвышающегося сразу позади меня. Его отражение в зеркале кажется огромным, многоликим и бесконечным.

Леонель Голденштерн стоит за моей спиной. Меньше чем в полуметре.

Молодой человек подкрался бесшумно. Словно сама Смерть.

Или дьявол, пришедший по моему душу – именно такой у него сейчас взгляд. Его гипнотические глаза прикованы ко мне пристально, а зрачок расширяется и заполняет почти всю часть серой инопланетной радужки.

Я никогда не забуду этот взгляд. Даже если мне память сотрут. Не забуду. Бросающий меня в дрожь, вызывающий легкий тремор, наматывающий внутренности на раскаленные виллы.

Черт. Что он здесь делает?

– Встань, – приказывает Леон, произнося это словно таким тоном, что невозможно послушаться. – И замри, – едва слышно добавляет Голденштерн. В его шепоте столько силы, что кажется, в зале стекла начинают дрожать. Еще один шаг с его стороны и он совсем близок ко мне. Я чувствую его запах: амбра, табак и древесные ноты сошлись в вальсе дорого парфюма.

Широкая ладонь Леона поднимается над моим полуобнаженным плечом, но не касается кожи. Закусив губу, я разглядываю его заостренные черты лица в отражении, все еще

не понимая, зачем он ко мне явился.

Он же делает вид, что меня не существует.

– Убить себя – все равно, что прийти к Богу без приглашения, – мягко выдыхает он.

– Пришел, чтобы читать мне нотации? – дерзко отвечаю я, сжимая ладони в кулаки.

– Просто хочу сказать, что к Богу тебе еще рано, – впервые в жизни, вижу, как его губы раздвигаются в ехидной полуулыбке.

Лучше бы я ее не видела.

– Почему же?

– Потому что тебя ждет дьявол. И не на небесах. А на земле, – не отрывая взгляда от моих глаз, недвусмысленно заявляет Голденштерн.

– И по ходу, он совсем рядом, – парирую я, тяжело дыша. Моя грудь вздымается и опускается с бешеной скоростью. Леон замечает это, и, склонив голову, произносит мне в ухо:

– Идеальная *принцесса* – Эмили Моран. Правильная. Золотая девочка. Всегда на глазах у публики. Старательная и прилежная. Разве ты такая, Эмили? Даже если «да», мне бы было интересно тебя испортить.

– Интересно? Тебе что, алкоголь в кровь через глаза попал? – выпаливаю я, откровенно намекая на то, что до этого дня он даже не смотрел на меня.

– Возможно, – благосклонно предполагает Лео, все еще не касаясь меня. Тем не менее, у меня уже кожа от мурашек

онемела в тех местах, над которыми прошлась его ладонь. – Иногда небольшая взбучка отрезвляет. Заставляет посмотреть на вещи под другим углом, – он делает паузу, прежде чем добить меня. – Хорошая девочка хочет повеселиться?

– Что ты имеешь в виду?

– Завтра, в полночь. Мой водитель тебя заберет. Тебе остается лишь осмелиться выбраться из постели.

– Это невозможно. Я под охраной. У меня комендантский час.

– Предоставь это мне. Просто подойди к запасному выходу со стороны сада, – услышав эти слова, я даже тешу себя надеждой о том, что Леон – романтик. – Твоя сестра часто так сбегала ко мне на свидания, – царапнув побольнее, добавляет бессердечный сукин сын.

Хотя с чего меня ранит свидания сестры с этим высокомерным львом, распушившим гриву?

– Родители меня убьют. И завтра у меня важное мероприятие...

– Ты могла бы умереть сейчас, если бы я тебя не остановил. Ты ничего не теряешь. Либо классно проведешь время, либо – покажешь им себя настоящую. И покажешь мне, – вновь обдает дыханием мой затылок, и едва касаясь моей шеи, убирает руку. – Пора выбираться из скорлупки, принцесса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.